

Михаил Бушнев

Я не мечтал стать
КОСМОНАВТОМ

6+

Михаил Бушнев

Я не мечтал стать космонавтом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64861851

SelfPub; 2021

Аннотация

Кем вы хотели стать, когда были маленькими? Многие ответят – космонавтом. Большинству не удалось исполнить свою мечту. А что, если мечты не было, а она сбылась? Герою рассказа лучше всего известен ответ на этот вопрос.

Михаил Бушнев

Я не мечтал стать КОСМОНАВТОМ

– Долбаный космос!

Черский привык повторять эту фразу как мантру каждый раз, когда думал о своем предназначении и месте, отведенном ему в этом мире. А думал он об этом все чаще и чаще. Возраст уверенно стремился к сорока годам, а мысли о несбывшихся мечтах точили изнутри все сильнее и сильнее.

Человек, случайно подслушавший поток мыслей Черского, подумал бы, что перед ним сотрудник какого-нибудь НИИ, который занимает лидирующие позиции с конца, сортирует бумажки, но чувствует себя причастным к большой науке, а потому клянет объект ее исследований. В теории вариант был бы складным, но мимо.

Черский был самым настоящим космонавтом.

Космонавтом в третьем поколении. Отец бороздил все-ленские просторы в советскую эру космического романтизма, а дед был героем Союза из первой плеяды космонавтов. Все три поколения жили воплощением мечтаний миллионов

детей по всему миру. Но у самого младшего что-то сломалось на генетическом уровне, и он свою профессию ненавидел всем сердцем. Если бы Черский рассказал детишкам все, что он думает о космонавтике, малыши-мечтатели заработали бы свой первый сердечный приступ ввиду рухнувших надежд.

Черский мечтал быть музыкантом. С детства он заслушивался пластинками, кассетами, а потом дисками и mp3-файлами всевозможных форматов и направлений. Будущий космонавт-испытатель грезил большой сценой, безбашенными гастроями и толпами поклонников. В свободное от дополнительных занятий по математике и физике время он даже пытался научиться играть на гитаре, которую подарила сердобольная бабушка, но с малых лет вокруг него сгустился рок семейного предназначения и предопределенности, хотя так хотелось рока тяжелого и инструментального.

Немногочисленные друзья и коллеги Черского никогда не понимали, как можно было прийти в такую профессию без заветной мечты. Как этот хмурый парень умудрился блестяще закончить летное училище, а потом без проблем попасть в отряд космонавтов и стремительно добраться до квалификации «космонавт-испытатель».

При всей внешней целеустремленности и, казалось бы,

стальном характере, Черский был слаб внутри. Он сдал свою мечту в угоду семейным традициям. Он с пеленок видел, как на него смотрят дед и отец. Он просто не мог предать их мечту о космической династии. Все было решено до его рождения, и надо было идти по стопам предков. Можно было завалить экзамены в летное или срезаться на дальнейших этапах, но, видимо, эмоции, ресурсы и мольбы ко Вселенной, которые были вложены в Черского, сделали свое дело. И он, как тень, проскользнул в кабину космического корабля.

К 37 годам за плечами неудавшейся рок-звезды было 3 успешных полета и большой объем научной работы вкупе с ворохом психологических проблем и досрочным кризисом среднего возраста. На горизонте маячил четвертый полет к звездам, а в сознании Черского росла уверенность в первом в его жизни самостоятельном и решительном шаге. Он хотел уйти из космонавтики.

***

С серьезным настроем и потерянным видом Черский слонялся по городскому парку. Домой он не хотел, надо было еще раз собрать мысли в кучу. Издалека донесся звук гитары и впечатляющий вокал уличного музыканта, который мучил пожилых прохожих песнями Летова и Цоя, а Черского очередным витком злобы к упущенной карьере музыканта. Он

добрел до аллейки, где проходил концерт одного артиста, и устало плюхнулся на лавку, не обращая внимания, что там уже сидел какой-то парень.

– Вот жизнь у человека, – неожиданно для себя произнес Черский. Он не замечал за собой раньше тяги к репликам в пустоту и подметил, что стареет в столь раннем возрасте.

– В чем жизнь-то? – раздался голос сбоку.

Черский покосился на соседа по лавке, но ему было лень изучать обладателя подросткового голоса, который, судя по всему, решил спорить с аргументами и так поруганной и растоптанной мечты.

– Человек свободен, он занимается музыкой в свое удовольствие. Это, конечно, не сцена «Уэмбли», но все равно очень здорово. Не то что некоторые, – Черский снова погрузился в мысли о предстоящем уходе с работы.

– Музыка и музыка! Это все здорово, когда смотришь со стороны. А на деле еще та нудятина. Не понимаю всеобщий восторг в отношении музыкантов. В упор не понимаю. Вот вы кем работаете?

– Космонавт я, – Черский мельком глянул на собеседника. Рядом с ним сидел щуплый парнишка с длинной челкой, выкрашенной белой краской. На коленях у парня расположился небольшой футляр, а на нем стоял бумажный стаканчик

для кофе. На поверхности дорогого по виду ящичка виднелись смазанные пятна от кофе.

– Ну да, а я балет в Большом танцую, – парень выдавил какое-то подобие смеха, но оно было пугающим.

– Серьезно. Я, как у вас говорят, покоритель космоса, причем в третьем поколении, на, смотри.

Черский пихнул куда-то влево опостылевший пропуск в Центр управления полетами. Мальчишка вырвал пропуск из рук Черского, как будто там был лотерейный билет с джек-потом.

– Обалдеть (хотя посыл был куда нецензурнее), я думал, вы если не в космосе, то под колпаком в лаборатории живете или на Мальдивах кости греете.

– Ага, конечно. А еще по миру с гастролями ездим. Такое только одному товарищу перепало за первенство.

– Ой, а имя ваше...

– Не начинай только. Меня эти сравнения с детства достали. Если тебе надо ко мне как-то обращаться, я – Черский. Эту идолопоклонническую кличку из первой строки паспорта я стараюсь не использовать.

– А я Никита. Что-то вы какой-то странный, – нахмурился мальчик. – Гагарина не любите, ворчите постоянно. Я не таким вас себе представлял.

– Как обидно, правда? – Черский состроил гримасу отвращения. – Завтра уволюсь ко всем чертям и не буду порочить честь мундира, так сказать. Давай обратно ксиву, а то ты ее

зальешь своей бурдой, как и ящик свой. Что там, кстати?

– Кларнет. Хрень редкостная. И не флейта, и не саксофон. Одно страдание.

– Ты что, музыкант? – недоверчиво спросил без пяти минут безработный.

– Считается, что да. Лет с 5 ношу это гордое звание и влачу безоблачную жизнь деятеля искусств. Обожаю конкурсы, концерты и консерваторию, – сарказм в голосе паренька слышался за километр.

Черский непроизвольно хихикнул, причем как-то нелепо, но искренне.

– То есть ты успешный музыкант и ненавидишь музыку?

– Я мамина гордость. Так было бы правильное сказать, – Никита смотрел куда-то вдаль. – Отец всю жизнь занимался бизнесом, а мама живет в свое удовольствие, но обожает рассказывать, как в детстве мечтала стать скрипачкой. Когда встретила с отцом, среди прочего выяснилось, что у них страсть к классической музыке. Папане по статусу положено ценить джаз или богемные симфонии, а мать, по-моему, любит все в кучу: от Моцарта до Баскова – и не сильно разбирается в разнице. В общем, так вышло, что за меня все решили до моего рождения, и вот теперь я «беру от жизни все». Дал же бог способности... А я с детства грезил космосом. Читал Стругацких и Лема из дедушкиной библиотеки запоем, по-

том увидел «Интерстеллар» и поплыл окончательно. Кто бы мог подумать, что мне придется разговаривать с живым космонавтом.

– А мне с музыкантом, – пробормотал Черский, понимая, насколько чудовищная и абсурдная ситуация сейчас происходит. – Так что тебе мешало...

Тут он осекся, потому что повернулся к парню всем корпусом и наконец увидел всю картину. Сбоку лавки вполоборота ютилась электрическая инвалидная коляска. Устройство явно стоило больших денег и максимально облегчало жизнь хозяину.

– О, а вы не сразу заметили? Я еще удивился, что у такого ворчливого дядьки такое чувство такта.

– Прости, я получается, спросил глупость... – Черский смутился и понял, что в его голове начались странные метаморфозы. – Получается я украл у тебя мечту...

– Ну да, а я у вас! – задорно воскликнул паренек, который уже прекрасно все понял. – А что, если мы с вами встретились не просто так? Вы решили уйти из самой романтичной профессии на свете, я решил расколотить кларнет, источник искусства, об эту лавку. Разве так возможно, что два таких человека оказались в одном месте?

– Кто его знает, – Черский откинулся на спинку лавки и впервые за много лет уставился в вечернее небо, на котором уже появлялись звезды. А юный собеседник вдруг начал прислушиваться к песне уличного музыканта, услышав зна-

КОМЫЙ МОТИВ.

– А давайте обменяемся нашими мечтами? Ведь мы так глупо обесцениваем наши таланты... Давайте я подарю вам мечты о космосе, а вы мне о музыке. И два несчастных человека станут счастливыми. Это же так просто.

Черский задумался над словами не по годам сообразительного мальчишки, хотя в его груди уже шевелилось что-то теплое, чего раньше он не замечал. Он расслабился и в этот момент увидел падающую звезду. Звезду, которая обрушила все годы сомнений и боли. Звезду, которая подарила Черскому желание, которое сам бы он никогда не загадал. Подарила и сделала желание явью.

И в тот самый миг, когда действующий космонавт-испытатель тонул в бесконечности родного космоса, Никита дождался пика невероятно сложного музыкального пассажа и расплылся в блаженной улыбке, пережив невероятно чистую и высокую ноту, которую взял уличный музыкант в гармонии со своей гитарой.

Никита не видел звезд, а Черский не слышал музыки.

Вечер сменялся ночью. Заканчивался еще один день, когда в мире стало на двух счастливых человек больше.